

ЮРИЙ КЛЮЧНИКОВ

МЕТЕОР, ВЗЛЕТЕВШИЙ В НЕБО

К 125-летию со дня гибели Н. С. Гумилёва

“Где небом кончилась Земля” – так названа вышедшая в 2010 году книга-биография и одновременно сборник избранных стихов Гумилёва (“составитель и автор сквозного комментария И. Осипов” – сказано в выходных данных). На обложку вынесена репродукция портрета молодого Поэта кисти Ольги Делла-Вос-Кардовской. Художница в соответствии с собственной экзотической фамилией создала такой же образ Николая Гумилёва с цветком в петлице среди тропических деревьев. Цветок придерживает изящная рука с ухоженными пальцами. Всё это великолепие венчает голова красавца с напомаженными волосами и раскосыми глазами – в полном смысле слова “изысканный жираф” где-то в Африке – персонаж знаменитого стихотворения. Этот талантливый портрет Гумилёва образца 1909 года, когда поэту было 23, написан рукой женщины, явно в него влюблённой. Что ж, молодой человек с изнеженными руками уже в ту пору был известен не только красивыми стихами и франтоватостью, но как отважный путешественник, побывавший в Африке, где охотился на львов и леопардов. Такой не мог не нравиться женщинам. И, как выяснилось позже, совсем не нравился себе. О чём впоследствии и написал в “Памяти” – стихотворном автопортрете. В “Памяти” развернута вся жизнь Поэта, всё становление его от “некрасивого” мальчика и манерного артиста до героической личности, до Мастера, заговорившего глаголами Откровения.

*Память, ты рукою великаниш
Жизнь ведёшь, как под уздцы коня,
Ты расскажешь мне о тех, что раньше
В этом теле жили до меня.*

*Самый первый: некрасив и тонок,
Полюбивший только сумрак роц,
Лист опавший, колдовской ребенок,
Словом останавливавший дождь.*

*Дерево да рыжая собака,
Вот кого он взял себе в друзья,
Память, Память, ты не сыщешь знака,
Не уверишь мир, что то был я.*

*И второй... любил он ветер с юга,
В каждом шуме слышал звоны лир,
Говорил, что жизнь — его подруга,
Коврик под его ногами — мир.*

*Он совсем не нравится мне, это
Он хотел стать богом и царём,
Он повесил вывеску поэта
Над дверьми в мой молчаливый дом.*

*Я люблю избранника свободы,
Мореплавателя и стрелка,
Ах, ему так звонко пели воды
И завидовали облака.*

Портрет Кардовской и создан в тот период, когда душа Гумилёва в своём духовном росте переходила от второго этапа к третьему – к “избраннику свободы”, которому “пели воды” и “завидовали облака”. Отметим также, что художница как раз этого-то не уловила, не смогла передать ни могучей воли, ни огненного трудолюбия, которое всегда жило в Гумилёве, начиная с детских лет, и помогало ему “менять души”. Упрёк, разумеется, запоздалый. Очень многие современники Поэта не предвидели, во что выльется его дар, как и не понимали особенности его мировоззрения. Понять “перемену душ” в Гумилёве действительно трудно, ибо он весь соткан из противоречий. Даже знаток буддизма может возразить словам: “только змеи сбрасывают кожу, мы меняем души, не тела”, скажет: меняем то и другое. Но дело не в словах, тонкости идеи реинкарнации были, конечно, ведомы Поэту – суть в том пути, которым он прошёл в мучительных поисках Истины. Гениальные по ёмкости строчки соседствуют у него с явным многословием. Христианская доминанта мировоззрения уживается с языческой стихией и даже с тем, что иной ортодокс назовёт сатанизмом. Это отмечали разные писавшие о Гумилёве его современники.

В гумилёвском православии, например, такой тонкий мыслитель и поэт, как Владислав Ходасевич, видел полную безрелигиозность. Как, впрочем, и в мистицизме Блока. Сравнивая двух поэтов, безапелляционно утверждал: “Блок был мистик, поклонник Прекрасной Дамы – и писал кощунственные стихи не только о ней. Гумилёв не забывал креститься на все церкви, но я редко видел людей, до такой степени не подозревавших о том, что такое религия”. Что тут скажешь? По части знания того, “что такое религия”, наверняка сам Ходасевич не был силён. Если он и считал себя эрудитом в бого-словии и в мастерстве стихо-сложения, то мог претендовать лишь на знание второй части этих двух составных слов. Тогда как Гумилёв (и Блок тоже) пóтом и кровью, наконец, мученическими венцами подтвердили своё причастие и к подлинной религии, и к великой Поэзии. Путь к Истине невозможен без трагических ошибок и очень часто без уклонов в “неправедность”, в “ересь”. Главное, не как человек шёл, но насколько искренен был во внутреннем Пути – и к чему пришёл. “Я есмь Путь, Истина и Жизнь” – сказал некогда Иисус Христос, имея в виду, прежде всего, большое Я каждого человека, то есть его внутреннего Христа.

Рубеж XIX–XX веков был очень плодотворным, небывало интересным и вместе с тем весьма рискованным в истории созревания русского Духа. Лозунг Фридриха Ницше “Бог умер”, произнесённый на Западе, в России был принят тогдашней элитой общества, как нигде в мире. В декадентской поэзии слово “Люцифер” звучало гораздо чаще, чем “Христос”. Врубелевский “Демон сидящий” чаровал интеллигентную публику роскошью красок. Музыка Скрябина, который мечтал в Гималаях организовать грандиозное цвето-музыкальное шоу, говоря сегодняшним языком, и разрушить с помощью такого шоу заблудшую европейскую цивилизацию, ту же публику завораживала. Оплот православной религии – церковь, какой она была когда-то в России, в начале XX века, в какой-то своей части зашаталась и затрещала под напором распутищины.

Эти дьявольские игры вели страну к неминуемому распаду, что потом и произошло. Власть захватили люди, которые очистили общество от всякой декадентщины и чертовщины, с одной стороны, но с другой – “выплеснули ребёнка”, то есть почитание Бога. А поскольку такое не может быть, потому что такое не может быть никогда, культ Бога сменился культом вождей; упованием на рай небесный, куда звала церковь, поменялось на стремление построить рай земной, к чему призывали большевики. Тяжкая форма культа и не лучшая перспектива рая были, как говорится “пущены” Творцом, то

есть временно допущены в соответствии с пожеланиями основной массы народа. Отметим в этой связи, что навязанный России культ золотого тельца сегодня 90 процентов населения “этой страны”, согласно официальной статистике и телевизионным дебатам “Суда времени”, терпеть не могут и не хотят. Что же касается Творца, то разного рода катастрофами, погодными и человеческими аномалиями он всё больше и больше показывает полный тупик подобного культа.

Но вернёмся к эпохе Гумилёва. К счастью для России, не только в церковной среде, но и во всей русской культурной элите начала XX века оставались те, кто сохранил и подлинную религиозность, и настоящие искания Бога. На правом фланге этой элиты чётко обозначились такие представители церкви, причисленные позднее к лику святых, как Иоанн Кронштадтский, патриарх Тихон, многие другие известные и безвестные мученики веры, на левом — немногочисленные представители русской интеллигенции, к числу которой принадлежали те же Блок и Гумилёв, для кого Христос и Божья Матерь явились в облике распятой России.

Напрасно Ходасевич иронизирует по поводу Блока — поклонника Прекрасной Дамы, над которой тот якобы кощунствовал. Блок действительно отрёкся от фантома “незнакомки”, явившегося ему в алкогольном опьянении. Поэт увидел в ней “подставу” из Тонкого мира, голубоглазую дьяволицу, которая выпивает из него силы. Прекрасной Дамой и предметом веры для Александра Блока стала Россия народная.

*Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые,
Как слёзы первые любви.*

*Тебя жалеть я не умею,
И крест свой бережно несу.
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу.*

*Пуškai заманит и обманет,
Не пропадёшь, не сгинешь ты,
И лишь забота туманит
Твои прекрасные черты.*

Та же трансформация произошла с Николаем Гумилёвым. Он расстался со своими теософскими грёзами, с Черубиной де Габриаек и другими “прекрасными дамами” артистического прошлого ради России, которую защищал сначала на первой войне с Германией, а потом в борьбе с большевиками. И сформировался, как великий Поэт в литературном и в пророческом смысле, именно тогда. Не военная даже, и не политическая составляющая важна здесь. В сражениях, которые вёл Гумилёв, оформилась духовная основа Поэта, его “Столп и утверждение Истины”, используя название книги П. Флоренского, и был также написан сборник стихов “Огненный столп”, напечатанный в год смерти Поэта.

*Сердце будет пламенем палимо
Вплоть до дня, когда будут видны
Стены Нового Иерусалима
На полях моей родной страны.*

Я вынужден сделать это “нелирическое отступление” — уйти с литературных полей России на поля исторические и политические. Потому что начало XXI века повторяет картину событий, случившихся веком раньше. Тот же полный разброд в политике, в идеологии, в искусстве. То же острое ощущение грядущих катастроф и пир во время чумы власть имеющих и имущих. С одной разницей. Тогда в недрах агонизирующего режима вырвалась политическая сила, способная вывести страну из тупика. Нашёлся человек, бросивший всеобщей безнадёге слова: “Есть такая партия!” Ныне недостаток в авторах политических проектов, конечно, нет, но пассионарных партий не видно, а главное,

пока не подул попутный ветер в паруса зрелых перемен... Вспомним известную картину забытого художника. Возбуждённый Ленин шагает по мосту над Невой. Распахнутое пальто, дерзновенный взгляд и подпись под картиной “Свежий ветер”. Сегодня “Новый Иерусалим” в России видят одни пророки и визионеры, провозглашающие квантовый переход России на новый этап её космического развития... Кроме того, интернет переполнен всевозможными предположениями о завоевании нашей планеты враждебными инопланетными цивилизациями и тому подобными страшилками.

Молодой Гумилёв в полной мере отдал дань поветриям своего времени и немало послужил им. Эта была смесь служения “Аполлону” и “Люциферу” в метафизике, идеям Ницше и Штейнера – в философии, рыцарскому и алхимическому Средневековью – в жизни, Верлену и Верхарну – в литературе.

Это был театр масок, под которыми скрывались личности малозначительные, но иногда незаурядные. Как разглядеть? Когда вышел первый сборник Гумилёва “Путь конквистадоров”, встречен он был прохладно. Более или менее тёплый отзыв дал Валерий Брюсов, остальные рецензенты вылили на новичка ушат холодной критики за явное подражание модным символистам, за литературные штампы и т. д. Впрочем, оценка дебютанта была в ту пору, в общем-то, заслуженной. Это теперь в стихотворении, открывающем сборник, мы чувствуем кредо, которому Гумилёв следовал всю жизнь, а тогда в нём виделась только молодая, лишённая всякой оригинальности бравада, не более.

*Я конквистадор в панцире железном,
Я весело преследую звезду.
Я прохожу по пропастям и безднам
И отдыхаю в радостном саду.*

*Как смутно в небе диком и беззвездном!
Растёт туман... но я молчу и жду
И верю, я любовь свою найду...
Я конквистадор в панцире железном.*

*И если нет полдневных слов звездам,
Тогда я сам мечту мою создам.
И песней битв любовно зачарую.*

*Я пропастям и бурям вечный брат,
Но я влету в таинственный наряд
Звезду долин, лилею голубую.*

Таким верховодом и завоевателем он был с детства. “Я хотел всё делать лучше других, всегда быть первым. Во всём. Мне это, при моей слабости, было нелегко. И всё-таки я ухитрялся забраться на самую верхушку ели, на что ни брат, ни дворовые мальчишки не решались. Я был очень смелый. Смелость заменяла мне силу и ловкость. Но учился я скверно. Почему-то не помещал своего самолюбия в ученье. Я даже удивляюсь, как мне удалось кончить гимназию. Я ничего не смыслю в математике, да и писать грамотно не научился. И горжусь этим. Своими недостатками следует гордиться. Это их превращает в достоинства”, – вспоминал зрелый Гумилёв. И частично наговаривал на себя лишнее. Всю жизнь он упорно учился, если хотел овладеть каким-то делом. Плохо владея французским языком, добился того, что отлично перевёл Теофила Готье и других символистов Франции. Научился отлично стрелять, хорошо и подолгу держаться в седле. Своими недостатками не только гордился, но умел превращать их в достоинства путём больших волевых усилий. В юном возрасте, по воспоминаниям современников, выглядел неказисто, шепелявил, глотал звуки “р” и “л”, отчего над ним посмеивались и нередко отвергали ухаживания юные особы женского пола. Увлёкся Оскаром Уайльдом (“Портрет Дориана Грея”) и стал по методике английского романиста вращать в образ красавца лорда Генри путём напряжённых медитаций. И результат – портрет Делла-Вос Кардовской. Даже губы подкрашивал, ещё не понимая, что такое “вращение в образ” привело Оскара Уайльда в тюрьму.

Но в женоподобные красавцы совершенно не годился, мужское начало в нём было слишком сильно. В тюрьму едва не попал по иному поводу. Юно-

шей в годы, предшествующие первой русской революции, увлёкся политикой, штудировал “Капитал”, занимался революционной агитацией среди рабочих.

Обладал редким хладнокровием, сплавом слова и дела, что резко выделяло его среди даже крупных художников Серебряного века. В выше цитированном стихотворении “Память” назвал себя колдовским ребёнком, “словом останавливающим дождь”. Это не просто литературный образ, это свидетельство его усердных занятий магией в молодые годы. Использовал не только опыт медитаций Уайльда, но и “Практическую магию” Папюса, этого в некотором смысле предшественника Кастанеды.

Кстати сказать, оккультизмом увлекались многие коллеги Гумилёва по поэтическому цеху. Например, М. Волошин, Андрей Белый, В. Брюсов. Однако неизвестно, как далеко они заходили в своих оккультных опытах. О Гумилёве мы знаем, что он не один год экспериментировал с разными снадобьями, вплоть до наркотиков, в поисках “божественных” ощущений, которые наркоманы в наше время называют “глюками”. А в ту пору иные “мастера оккультизма” всерьёз полагали, что Тонкий мир и его иллюзии равновелики картинам Божественным. Что годы подвижничества можно заменить “серебряной пылью” кокаина и предстать в раю перед престолом Всевышнего. Никуда не вычеркнешь такие “искания” Поэта из его биографии. Но он справился со своими опасными завихрениями, поставил крест на наркотиках, принял на себя крест Первой мировой войны.

О мужестве, проявленном добровольцем солдатом, а затем унтер-офицером Гумилёвым написано и сказано много. Повторяться не стану. Замечу лишь, что на фронте поэт воевал рядовым кавалеристом в тех же местах, что и Георгий Жуков. Подобно будущему маршалу заслужил два солдатских Георгиевских креста. Эту ступень своего духовного роста отметил в том же стихотворении “Память” такими строками:

*Память, ты слабее год от году,
Тот ли это или кто другой
Променял весёлую свободу
На священный долгожданный бой.*

*Знал он муки голода и жажды,
Сон тревожный, бесконечный путь,
Но святой Георгий тронул дважды
Пулею нетронутую грудь.*

После награждения вторым Георгиевским крестом Гумилёв некоторое время проучился в школе прапорщиков, получил первое офицерское звание, а также выпустил сборник “Колчан”, составленный из стихов, написанных главным образом во время войны. Здесь, в этой книге он предстаёт уже не просто талантливым стихотворцем, Россия приобрела в его лице большого Поэта.

Продолжая сопоставление Поэта и Маршала, вспомним интервью, которое дал в своё время Г. К. Жуков Константину Симонову: “Кто знает, как вышло бы, если бы я оказался не солдатом, а офицером, кончил бы школу прапорщиков... Может быть, доживал где-нибудь свой век в эмиграции”. Можно с уверенностью сказать: этого с будущим Маршалом никогда бы не случилось. Судьбой гения распоряжается не личность его, но именно Судьба. Подобным, не зависимым от личности Гумилёва образом выстраивалась его дальнейшая жизненная траектория. Революция застала офицера Гумилёва в Европе. Он не торопился в революционную Россию, намеревался вместе с другими русскими legionерами в составе войск Антанты отправиться в обожаемую им Африку. Не получилось. Когда возвратился уже в большевистскую Россию, имел полную возможность эмигрировать, но за кордон так и не уехал.

Судьба уготовила Поэту возвращение в Питер, чекистскую Голгофу и посмертную публикацию сборника “Огненный столп”, который открывается стихотворением “Память”. Этот сборник обессмертил имя Поэта.

В “Огненном столпе” поэт поместил не просто стихи, но настоящие библейские притчи, орнаментированные, словно персидские миниатюры, которые Гумилёв обожал. Вот концовка той же “Памяти”:

*Предо мной предстанет, мне неведом,
Путник, скрыв лицо; но всё пойму,
Видя льва, стремящегося следом,
И орла, летящего к нему.*

*Крикну я... но разве кто поможет,
Чтоб моя душа не умерла?
Только змеи сбрасывают кожи,
Мы меняем души, не тела.*

Кто же он, неведомый путник, скрывший лицо, за которым гонится лев, а навстречу летит орёл? Кто Наблюдатель перемен души?

Здесь на память приходят таинственные образы Апокалипсиса, а также их пушкинские расшифровки. “Напрасно я бегу к сионским высотам, Грех алчный гонится за мною по пятам... Так ноздри пыльные, уткнув в песок сыпучий, Голодный лев следит оленя бег пахучий”. Это не переключка литературных метафор, это консонанс двух Пророков. “Но чуть божественный Глагол до слуха чуткого коснётся, Душа поэта вострепнётся, Как пробудившийся орёл”. Раздвоенность Духа и души, души и тела, льва и орла – вот загадка, над которой бьётся Поэт. Не только бьётся – решает. Как решает? Смертью смерть поправ. Пушкин это делал, играя со смертью на многочисленных дуэлях, а потом, подытожив свои игры странными, казалось бы, словами.

*Всё, всё, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог.*

Гумилёв искал такие наслажденья на африканских охотах, на войне, наконец, на допросах в ЧК. Причём оба Поэта, гениально проигрывая расставанье с земной жизнью в стихах, столь же прекрасно ушли из неё в действительности. Видевшие Пушкина накануне смерти были восхищены его великодушием по отношению к обидчику, а в гробу – поражены его просветлённым, торжественным выражением лица. Смерть Гумилёва никто из его друзей не видел, о ней дошли только легенды. И стихи, где Поэт осмысливал конец пути.

*Когда я кончу наконец
Игру в саше-саше со смертью хмурой,
То сделает меня Творец
Персидскою миниатюрой.*

*...А на обратной стороне,
Как облака Тибета чистой,
Носить отрадно будет мне
Значок великого артиста.*

*...И вот когда я утолю
Без упоенья, без страданья
Старинную мечту мою
Будить повсюду обожанье.*

Как настоящий Художник, он своего добился, – и прекрасной смерти и всеобщего обожания. Стихи последнего периода лишены красотой, в них нет многоречия, в чём раньше упрекали Поэта критики. Даже в таких непривычно длинных для Гумилёва последнего периода стихотворениях, как “Память”, “Заблудившийся трамвай” или “Звёздный ужас”, всё пригнано, ни одного лишнего слова.

В “Шестом чувстве” он выразил ещё одну свою заветную мечту, которая реализуется сегодня в так называемых “детях индиго” – генерации следующей человеческой расы.

*Так век за веком — скоро ли, Господь? —
Под скальпелем природы и искусства*

*Кричит наш дух, изнемогает плоть,
Рождая орган для шестого чувства.*

Поэт сам был предтечей этой генерации, формируя себя не только с помощью скальпеля природы и искусства, но во всевозможных испытаниях жизни, на которые шёл всегда с открытым забралом, как рыцарь и добровольно.

Подобно средневековому рыцарю имел свою Прекрасную Даму, жену — Анну Горенко, позднее ставшую Анной Ахматовой. Отношения двух больших поэтов как мужа и жены были весьма сложными. Руки её он добивался не один год, встречая неизменный отказ. Наконец, с четвёртой или пятой попытки получил согласие. Несколько лет пожил вместе, чаще в конфликтах, чем в мире. Расстались, оба имея при совместном проживании многочисленные любовные романы, после развода — тоже, оставив богатый и спорный материал для биографов. В. Срезневская, свидетельница первых месяцев замужества молодой Ахматовой, вспоминает:

“Она читала стихи, гораздо более женские и глубокие, чем раньше. В них я не нашла образа Коли. Как и в последующей лирике, где скупое и мимолётно можно найти намёки о муже, в отличие от его лирики, где властно и неотступно, до самых последних дней его жизни сквозь все его увлечения и разнообразнейшие темы маячит образ жены. То русалка, то колдунья, то просто женщина, таящая “злое торжество”...”

Впрочем, предоставим слово самой Ахматовой.

В “Поэме без героя” (1940—1962 гг.) Анна Андреевна написала пронзительные стихи о видении, посетившем её в 1940 году. 1913 год. Царское Село. Бал теней, “гофманиана”, говоря словами поэтессы, или “дьяволиада”, выражаясь словами её друга М. А. Булгакова, где собрались “краснобаи и лжепророки”, “козлонogie”, “дылды” “без лица и названья”. И вот...

Крик:

“Героя на авансцену!”

*Не волнуйтесь: дылде на смену
Непрерывно выйдет сейчас
И споёт о священной мести...
Что ж вы все убегаете влесте,
Словно каждый нашёл по невесте,
Оставляя с глазу на глаз
Меня в сумраке с чёрной рамой,
Из которой глядит тот самый,
Ставший наигорчайшей драмой
И ещё не оплаканный час?*

*Это всё наплывает не сразу.
Как одну музыкальную фразу,
Слышу шёпот: “Прощай! Пора!
Я оставлю тебя живою,
Но ты будешь моей вдовою,
Ты — Голубка, солнце, сестра!”
На площадке две слитые тени...
После — лестницы плоской ступени,
Вопль: “Не надо!” и в отдаленье
Чистый голос:*

“Я к смерти готов”.

Повторю: в “Поэме без героя”, которая писалась и переписывалась неоднократно с 1940-го по 1962-й, Ахматова не обозначила чётко ни одной тени, кроме мужа своего, Николая Степановича Гумилёва. Она осталась навсегда его Прекрасной Дамой, а он её Паладином во всей разнообразной чертовщине, которая окружала при жизни обоих.

Уход Поэта описан и прокомментирован во многих исследованиях с момента открытия архивов КГБ на эту тему. Последнее — прекрасная книга Юрия Зобнина “Казнь Николая Гумилёва”.

Как встретил революцию Поэт? Прежде всего, в трудах творческих и просветительских. С 1917-го по 1921 год, как уже говорилось, написаны лучшие его стихи, Гумилёв также заявляет себя как деятельный организатор и пропагандист отечественной и всемирной литературы, руководит Союзом поэтов Петрограда, инициирует различные культурные начинания. Как офицер, Гумилёв поначалу не примкнул ни к красным, ни к белым. Даже увлёкся одним из героев “красного террора”, о чём написал в стихотворении “Мои читатели”, где:

*Человек, среди толпы народа
Застреливший императорского посла,
Подойшёл пожать мне руку,
Поблагодарить меня за мои стихи.*

Этот “читатель” не только пожал благодарно руку Поэту, он ходил в петроградском “Союзе поэтов” буквально по пятам Гумилёва, бормоча его стихи. Этот человек слыл покровителем Есенина, этому человеку дарил свои сборники Маяковский. Далее передаю слово Юрию Зобнину: “Этим человеком был Яков Григорьевич Блюмкин, левый эсер, заведовавший в 1918 году секретным отделом по борьбе с контрреволюцией ВЧК, в прошлом – убийца германского посла графа Мирбаха (что послужило сигналом к началу восстания левых эсеров), а в недалёком будущем – невольный соучастник убийства Есенина в гостинице “Англетер”.

Блюмкин буквально очаровал поначалу Гумилёва-поэта. Ещё бы, знаменитый террорист не из-за угла, а принародно “застрелил императорского посла”. Кроме того, был организатором компартии Ирана – страны персидских миниатюр, обожаемых поэтом, куда рвались также Есенин и Хлебников, страны, планировавшейся в качестве плацдарма для экспорта революции в Индию – “страну духа” – так называл Индию Гумилёв. Какую роль сыграл Блюмкин в судьбе Гумилёва, неизвестно. Зато хорошо известна роль другого чекиста, следователя по особо важным делам Якова Сауловича Агранова, которому поручили дело Гумилёва по обвинению его в контрреволюционном заговоре.

Участие поэта в заговоре, в так называемом “деле Таганцева” до сих пор остаётся предметом споров. Был ли он активным участником “Дела” или резервировался для культурного строительства будущей России, когда заговор увенчается успехом – об этом написано много. Но одно ясно – чем дальше развивались события, тем больше развеивались иллюзии поэта и патриота в отношении воцарившегося режима.

Русская история во все периоды её была предметом всевозможных “научных” спекуляций, начиная с Ломоносова, когда её писали преимущественно “люди заезжие” или преклонившиеся пред ними, и до наших дней, когда в исторической науке доминируют те же фигуранты. По сию пору в учебниках бытует мнение, что 1917 год начался ничтожной, по мнению советских историков, Февральской революцией (по мнению “либеральных” – подлинно освободительной). А продолжился этот роковой год Октябрьским переворотом большевиков, которые установили свою национальную, отвечающую интересам народа (советский взгляд) власть и безжалостную, принесшую России неисчислимыя беды (взгляд “либералов”) диктатуру. Как выясняется теперь, та и другая модель управления Россией (как, впрочем, и третья – горбачёвско-ельцинская) были инспирированы извне. Об этом также много сказано в последние годы: о “пломбированном” вагоне Ленина, о деньгах Парвуса, об американских миллионерах – вдохновителях Троцкого и тех же вдохновителях “перестройки” и ельцинской “суверенной” России.

В трескучей пропаганде СМИ совершенно тонут факты, гласящие о том, что, выйдя из plombированного вагона, Ленин распрощался и с немецким Генштабом, и с Парвусом. Что касается Сталина, то он вообще для партии большевиков ни у кого денег не брал, добывал их сам своими “эксами”. И самое главное, к организации ЧК никакого отношения не имел, к убийству царя Николая – тоже. После окончания Гражданской войны, когда навестил в Грузии религиозную мать и та спросила: “Правда, что ты убил царя?”, ответил: “Нет, мама, я в это время воевал”.

Миф о захвате большевиками власти в октябре 1917-го нуждается в уточнении – какими большевиками и сколько в них было большевистского, если понимать под словом “большевизм” “национальную болезнь” России – диагноз,

поставленный ей современными “либералами”. Именно их отцы поначалу захватили власть в России, не позвав даже Ленина, которому ночью через весь Петроград пешком пришлось добираться в Смольный. Весь остальной период жизни с 17-го по 22-й год, когда он тяжело заболел, Ленин одновременно с тем, что руководил Гражданской войной, воевал со своими соратниками по партии и надорвался, ведя борьбу на два фронта. Сталин, непосредственный участник обеих войн, изучая их своими жёлтыми тигриными глазами, всё понял и начал действовать с “ленинской гвардией” её же изощёрными приёмами. Он лечил “детскую болезнь левизны” не только уговорами и партийными дискуссиями, но главным образом хирургическими операциями, используя инструмент, не им созданный. Но это будет позднее. Во времена же Гумилёва еще царил произвол революционеров пришедших, приехавших из-за границы и пытавшихся навязать России интернационализм по Троцкому. С двухмиллионным голодом донских казаков, с многотысячными расстрелами врангелевских офицеров, добровольно сложивших оружие в обмен на помилование.

Как ко всему этому мог относиться Гумилёв? Так, как это описано в “Заблудившемся трамвае”, “Пьяном дервише”, “Звёздном ужасе”, в написанном за несколько лет до смерти стихотворении “Рабочий” – мужественно, стойчески, с верой в Россию “Нового Иерусалима”. Кто-то в такой вере может увидеть неоправданный романтизм, кто-то восхождение в иную, светлую реальность, которая доступна самым главным мудрецам – детям, видящим в грозном небе не горе, не ужас, но “просто золотые пальцы”, которые “показывают, что случилось, что случается и что случится” (“Звёздный ужас”).

Допрашивал Николая Степановича следователь Яков Агранов, подписывавший протоколы допросов фамилией Якобсон*. Этот человек, в отличие от Дантеса, отлично понимал, “на что он руку поднимал”, так же, как и Блюмкин, знал наизусть стихи Гумилёва, цитировал их во время допросов. Понимая патристический настрой поэта, рисовал ему радужные картины будущей России, во имя которой действуют большевики, добиваясь покаяния и выдачи сообщников. В картины Гумилёв не поверил, друзей не сдал, говорил о себе сдержанно, но в то же время не хитрил, взглядов не скрывал, умер как человек чести, оставив посмертные легенды. Согласно им, расстрел участников ПБО (Петроградской боевой организации), так назывался в чекистской отчётности заговор Таганцева, был произведён на Ржевском артиллерийском полигоне, недалеко от Петрограда. Арестованных привезли на рассвете, заставили вырыть яму, потом раздеться. Ни того, ни другого Гумилёв делать не стал, остальные вырыли яму лишь наполовину, их быстро постреляли, убитых и раненых столкнули в яму, засыпали землёй. Что касается поведения Гумилёва, то поэт Георгий Иванов зафиксировал разговор с человеком, близким к чекистским кругам в своих воспоминаниях “Петербургские зимы”.

“Да... Этот ваш Гумилёв... Нам, большевикам, это смешно. Но, знаете, шикарно умер. Я слышал из первых рук. Улыбался, выкурил папиросу...”

* Ключевую роль в расстреле Н.С. Гумилёва сыграл следователь Яков Агранов, присланный из Москвы для надзора за ведением “дела Таганцева”. Поскольку Гумилёв был слишком крупной фигурой, замешанной в этом деле, и у поэта были такие “заступники”, как А.М. Горький, даже председатель Петроградской ЧК И. П. Бакаев, требовалась слишком солидная доказательная база вины, которую рядовые следователи Петроградской ЧК обеспечить не смогли. За дело взялся сам Агранов. Свидетели тех лет указывают, что допросы Гумилёва вёл “какой-то необыкновенно гениальный следователь”. В. И. Немирович-Данченко называет его “правоведом” и замечает, что он выгодно отличался от обычных чекистских “эскимосов”.

Г. В. Иванов рассказывает о “чудо-следователе” подробнее: “Допросы Гумилёва более походили на диспуты, где обсуждались самые разнообразные вопросы – от “Принца” Макиавелли до “красоты православия”. Следователь Якобсон был... настоящим инквизитором, соединявшим ум и блестящее образование с убеждённо маньяком. Более опасного следователя нельзя было выбрать, чтобы подвести под расстрел Гумилёва. Если бы следователь испытывал его мужество или честь Гумилёва, он, конечно, ничего бы не добился. Но Якобсон Гумилёва чаровал и льстил ему. Называл его лучшим русским поэтом, читал наизусть гумилевские стихи, изощёренно спорил и потом уступал в споре, сдаваясь или притворяясь, что сдался перед умственным превосходством противника”.

Другой исследователь “дела Таганцева” В. Радзишевский в этой связи замечает: “Следователь Якобсон – по-видимому, кличка Якова Агранова”. Следы других “гениев следствия”, по крайней мере, в материалах дела не обнаруживаются” (цит. по: Ю.В. Зобнин. Казнь Николая Гумилёва. М., 2010, с.188-189).

Фанфаронство, конечно. Но даже на ребят из особого отдела произвёл впечатление. Пустое молодечество, но всё-таки крепкий тип. Мало кто так умирает. Что ж — сваял дурака. Не лез бы в контру, шёл бы к нам, сделал бы большую карьеру. Нам такие люди нужны”.

Следователь Агранов, который подвёл Гумилёва под “вышку”, такую карьеру впоследствии сделал, дорос до заместителя главы НКВД, но в 1939 году его расстреляли те же чекисты. Скорой гибелью или мученической жизнью отмечена судьба ряда других людей, так или иначе связанных с судьбой Гумилёва. Смертью в сталинском лагере закончил жизнь один из последующих мужей Анны Ахматовой Николай Пунин. Рано ушла из жизни Лариса Рейснер, кратковременная любовница Николая Степановича, а затем жена Фёдора Раскольниковца, прототип героической комиссарши “Оптимистической трагедии” Всеволода Вишневского. Сам Фёдор Раскольников в 1939 году, оказавшись в ранге посла СССР в Болгарии и отказавшись вернуться в Союз, как лицо, подозреваемое в измене, погиб при невыясненных обстоятельствах. “Гофманиану” можно продолжать долго, целиком обвинив в ней сталинский режим, если бы не одно обстоятельство. Все указанные реальные персонажи революционной мистерии, как и многие другие главные и второстепенные действующие лица её, а также статисты, получили законное евангельское воздаяние — “какой мерой вы мерили людям, такой и вам отмерялось”. Некоторые из них, кстати, были в той или иной степени повинны в трагедии Поэта. Сегодня все они фигурируют, как жертвы коммунистического террора. Разница с Гумилёвым лишь в поведении, в памяти, в легендах...

Остановимся ещё на одной, малоизученной странице жизни Н. С. Гумилёва — его взаимоотношениях с Н. К. Рерихом, позднее продолженных довольно тесным сотрудничеством их сыновей Льва Николаевича и Юрия Николаевича. В 1912 году, будучи в Париже, Николай Гумилев писал об открывшейся тогда в Париже выставке картин Н. К. Рериха: “... На фоне северного закатного неба и чернеющих елей застыло сидят некрасивые коренастые люди в звериных шкурах; широкие носы, торчащие скулы — очевидно, финны, Белоглазая Чудь” (речь идёт о картине “Поморяне. Вечер”). На другом полотне (“Поморяне. Утро”) — “тоже северный пейзаж, но уже восход солнца, и вместо финнов — славяне. Великая сказка истории, смена двух рас, рассказана Рерихом так же просто и задумчиво, как она совершилась давным-давно среди жалобно шелестящих болотных трав”. Письма с выставки были опубликованы в журнале “Весы”, редактируемом Брюсовым. И далее: “Не принимая современную Россию за нечто самоценное, законченное, он (Н. К. Рерих) обращается к тому времени, когда она ещё создавалась, ищет влияния скандинавских, византийских и индийских; но всех — преображенных в русской душе”.

За этими вроде бы чисто эстетическими оценками кроются напряжённые поиски доисторических корней славянства, предпринятые Гумилёвым. Кому, кроме специалистов, известно, что наряду со своими африканскими путешествиями поэт совершил экспедицию на русский Север в поисках легендарной Голубиной Книги, хранящей, согласно легенде, таинственные космические знания о прошлом и будущем Земли? Эту книгу, начертанную литерами праславянской азбуки на многометровой скальной поверхности, Поэт нашёл и пробовал расшифровать. Вот откуда его интерес к Н. К. Рериху.

Сохранились глухие намёки на возможные встречи двух художников — кисти и пера. А вот тесное сотрудничество сыновей обоих — Льва Гумилёва и Юрия Рериха документировано довольно обстоятельно. Опубликован в печати и выставлен в интернете большой очерк Л. Н. Гумилёва, посвящённый памяти Ю. Н. Рериха. Здесь уже без всяких намёков говорится о совпадении творческих интересов, а также духовных устремлений отцов и детей, об их преимущественной ориентации на Восток, на “Степь”. Кстати, слово “ориентация” содержит безоговорочно “восточную” основу. Из этого очерка становится более понятной созданная Львом Гумилёвым теория пассионарных толчков, управляющих мировой историей. Откуда эти толчки, кто их посылает? Отец и сын Рерихи отвечали на вопрос недвусмысленно — Небесный Логос, имеющий на земле своё представительство, которое на Востоке называли — Сакральным Центром, Шамбалой, Твердыней Духа, Обителью Знания. И даже указали её географическое расположение — Гималаи и горы Алтая. Ту Шамбалу, союз с которой, по мысли Н. Рериха и Л. Гумилёва — залог грядущего торжества и процветания России, а также всей планеты.

Но это уже тема отдельного и особого разговора. Скорее даже не разговора. Болтовни о *Высоком Понятии*, с попыткой придать Ему привкус экзотики в наших и в мировых СМИ хватает. Очередь за делом, за искренней любовью к людям, к родине, к живому, а не мёртвому Христу, к какой бы партии, религии или национальности человек ни принадлежал. Иными словами, очередь за воспитанием в себе качеств, которыми в высшей степени обладал Николай Степанович Гумилёв.

Как воин, как поэт, как человек, он состоялся в начале XX века. Его время одни называют страшным, другие, например, Борис Пастернак — “великолепной хирургией” и “небывальщиной под открытым Небом”. Странные, казалось бы, слова восторга из уст человека, исповедовавшего миролюбие. Но вспомним Анну Ахматову. Когда её спросили, какой она считает судьбу Мандельштама, Анна Андреевна — Поэт — ответила: “Идеальной для поэта”. Таковой считала и судьбу Гумилёва, которую, в отличие от своего друга Мандельштама, Поэт долго готовил и выбрал сам.

Так что вряд ли ответ Ахматовой поймут многие исследователи Серебряного и всего XX века. Большинство из них будут продолжать лить слёзы. . .

Я же позволю себе закончить эти заметки о великом русском Поэте собственным стихотворным подношением к его ногам и к ногам его века.

XX ВЕК

Памяти Н. С. Гумилёва

*Я люблю этот век,
потому что он начат стихами,
карнавалами масок,
игрой коломбин и пьеро.
А ещё потому,
что срывал наши маски штыками,
что на кровь и на вес
измерял нашу суть и перо.*

*Я люблю этот век,
потому что ласкал нас свирепю,
и надежду таил
среди самых свирепых угроз.
А ещё потому,
что на прочность проверил в нас
Небо —
нашу верность Ему
и связующий с Вечностью трос.*

*Я люблю этот век
за его чёрно-белые страсти,
потому, что размазал
по стенке все полутона.
А ещё потому,
что любое ничтожество власти
долго терпит, но быстро
смывает со стенок страна.*

*Я люблю этот век,
потому что в нём жизнь свою прожил
и не мог не влюбиться
в его восхитительный лик.
А ещё потому,
что был сыном его, не прохожим,
что родное болото
всегда обожает кулик.*